

Владислав Аристов

Справка «ММ»

Владислав Аристов родился 5 ноября 1937 года в Магнитогорске. После окончания Челябинского политехнического института (ныне – Южно-Уральский государственный университет) с 1960 по 2000 год работал инженером-электриком на Магнитогорском металлургическом комбинате.

Аристов – художник, поэт, журналист, автор девяти книг прозы. В середине 1990 годов в газете «Магнитогорский металл» он вёл литературоведческую рубрику «Беседы с книгами». В 1970

году иллюстрации Аристова к поэме «Измаил-бей» были приобретены Государственным музеем М. Ю. Лермонтова в Тарханах. В 1981 году он был удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В предисловии к своей первой книге «Послушник», которая вышла в 1997 году, Владислав Аристов пишет: «Три соображения подвинули меня к слову. Первое: рисуя, я всегда видел ускользающее недорисованное и посылал вдогонку за ним слово. Второе: как-то прочел у Льва

Толстого, что писатели будущего откажутся от сочинительства и темой их текстов будет их собственная жизнь. И третье: иоанново «вначале было слово...» Среди всех увлечений мастера слова и кисти особое место занимают путешествия. «Золотое кольцо» России, музей Лермонтова в Тарханах, Чечня, Хевсуретия, остров Крит, Коринф-Метеоры, Кирилло-Белозерский, Псково-Печерский монастыри... А весь собранный материал, полученные впечатления выливаются в рассказы, очерки, книги, картины.

Размышления

✍ Владислав Аристов

В. Аристов. Орион, или Небесная пандемия

Смыслы и домыслы

в наклоне... Что-то знакомое... И невольно вспоминаются картины на сюжет распятия Христа... В палисаднике на припёке выкопал ямку, уложил тело птицы, сложив крылья и поджав хвост, присыпал землёй. Христос воскрес и вознёсся, оставив нам земное ничтожество смерти... И сама мысль о ней ничтожна... И только страх перед ней взмывает вослед воскресшему и вознесённому...

По каналу «Россия-24» наблюдаю, как президент беседует с министрами иностранных дел и обороны о положении в Сирии... Всмотриваюсь в его спокойное лицо, в его внимающие глаза, и рождается мысль-видение: у Путина древние глаза, в них таится-теплится что-то ещё дославянское – что-то от мери и веси, от угры и мордвы, а потом уже наше славянское... И от этой прорвы в глубине взгляда президента становится спокойно за дело его жизни, за Россию, за всех нас...

Клипсовая, пандемийная картинка на экране телевизора, после которой подумалось: Земля полна страха, а небо томится ожиданием...

«Уединение моё совершенно – праздность торжественна». Это Пушкин возвещает Россию из ссылки в Михайловском. Услышали ли? Через двести лет я случайно прочитал эти слова в горной хижине и не обнаружил в своём сущем одиночестве ни уединения, ни праздности, а совершенство и торжественность оказались горизонтами, иногда открывающимися в разрывах суеты сует. Александр Сергеевич, я тебе не завидую, тебя я благодарю за это послание нам.

Когда-то написал текст «Дом дерева». В последующие годы дерево в моих глазах израстало из своей домовитости и становилось посредником – мостиком между землёй и небом, а в иных местах между планетой и космосом: кончики корней воспринимают дыхание недр земли, кончики ветвей соприкасаются с космической решёткой планеты, что не дано человеку во плоти. Не пора ли писать о духовном храме дерева...

Иречено: «Дух дышит где хочет...» Ясные неискаемые слова; но когда их проговариваю я, чувствую, как во мне всплывает тоже неизменное – почему? Приложенное к моим намерениям, оно тут же находит ответ в руинах минувшего или в посылках грядущему. А дух? И открылось: дух самосотворяется везде и всегда во все времена, и истина сотворяется вместе с ним... Вероятно, в истинно-вечном «почему?» отсутствует; а наши «почему» – реликты линейного времени, совершенно несинхронного нашему сознанию.

В саду-огороде вытаял бугорок снега, и я увидел трупик сороки – лежит, раскинув крылья, вытянув хвост, головка

прежде всего слово и музыку – сущие и без материального воплощения; и в последнее время меня влечёт медленная музыка и слово, остановленное и овеванное духом.

Вслушиваться... А далее и всматриваться в рассыпанную песчинками (или мелкопомолотой крупой) ранее неслыханную мной тишину и ждать: не взрастёт ли что-то досель неслыханное и невиданное, но живородящее...

Воспринимаю движение трамвая через облако, зависшее над горизонтом: трамвай катит из под него – строго линейное движение; облако же неподвижно, но в его зависании дремлет само движение, всегда напоминающее о всеусущей вселенской сакральности – дух дышит где хочет... А трамвай доставил меня к месту, где, я знаю, дух дышит всегда.

Общение с самим собой с годами всё больше смахивает на исповедь без духовника: с чего начал, тем и кончил...

Человек извлекает из мусорного контейнера водочную бутылку и, запрокинув голову, терпеливо ждёт, когда из горлышка на язык упадёт последняя капля, глотает её, облизывает горлышко, отбрасывает бутылку назад в контейнер, выискивает следующую – и так бутылка за бутылкой, капля за каплей, глоток за глотком... Но глоток по сути пустой, как пуста сама бутылка – глоток пустоты – и, в отличие от любого вещества, её количество не уменьшается.

Всё чаще в местах сбора мусора обнаруживаю свалки книг, в основном классика, от Пушкина до Горького, фантастика и детективы, учебники и пособия, справочники и календари... Книга становится отбросом культуры, её изгоем. Роюсь в одной такой свалке, отбираю «Господа Головлёвы», «Фрегат Паллада», сборник любовной лирики русских поэтов и бестселлер Николая Леонова «Смерть в прямом эфире»; оставшиеся на свалке книги канут в безвестности. Остаётся представить свалку логоса, выброшенного за ненадобностью в отвалы вселенского мусора...

Неправда. Как она сотворяется? Вначале ты всматриваешься в вещи, в существа, в обстоятельства, ты всматриваешься в них сущее, то есть – правду. Потом ты приступаешь к воздействию на них совещательно с интуицией, с духом, молитвенно, ты веруешь на грани реальности... И когда выясняется, что всё это миф, а ещё проще – фуфло, а точнее и полнее – неправда, задумываешься над причастностью духа к этим состояниям и

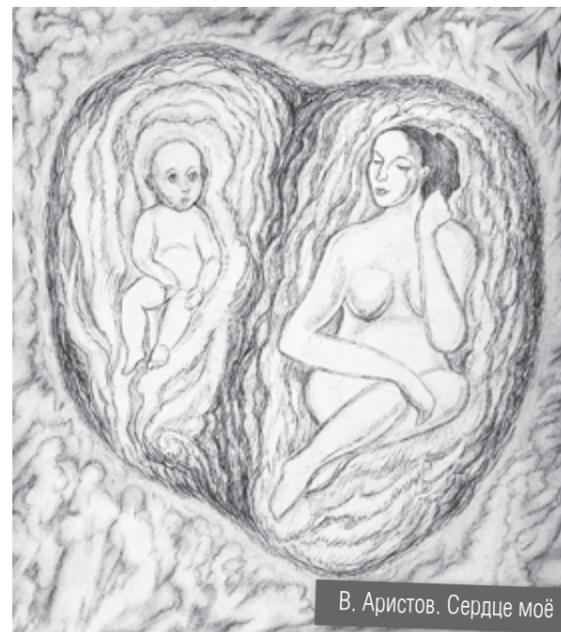
осознаешь: неправда – это несостоявшаяся правда, оставленная прозапас в распоряжение духа.

Младенец лежит в коляске, сучит ножками, ручками и плачет, а пустышку цепко зажал в кулачок, и юная мама пытается распознать причину плача. Но она сугубо внутренняя, сокрытая от внешнего внимания, и весь плач уносится в бесконечное вне... И подумалось: с годами в жизни человека не меняется именно это – сущие причины и мотивы так и остаются внутри нас, а во вне улетучиваются наши стенания и оплакиваемые не только нами наши амбиции и уверения.

Всегда был духовно свободен, порою избыточно, поэтому делился свободой с ближними. Нередко это оборачивалось конфузom... Далее раскручиваю диалог о свободе с конкретно воображаемым оппонентом (которому я «не вышел ростом») и завершаю его, осознаю неприемлемым соображением: в нашем четырёхмерном мире свобода в сущности своей аморальна...

Слова, всплывающие в сознании после вечерней молитвы: боже, что я могу ещё что-то сказать тебе, чтобы услышать в ответ?.. Если когда-нибудь подобное произойдёт, то мой ответ окажется сгустком молчания, из которого возникнут новые, пока мне ещё неизвестные слова... Заподальде?..

В саду-огороде слушаю мягкое, я бы сказал, деликатное постукивание – падают яблоки; и видится, как маленький светло-зелёный плод – шарик – срывается с ветки и летит вниз к несоизмеримо огромному зелёно-голубому шару планеты и ударяется об него, и я слышу стук. И небо над моей головой тому свидетель, и ещё тот, кто есть Всевышний... И быть созерцателем, а шире – осознателем этого естественного неизбежного действия – не есть ли состояние души и духа и эдемо-адамовой поры, и грядущего «конца света» заключительного прощания с земной колыбелью.

В. Аристов. Сердце моё